
В.М. Шевырин

**СОТРУДНИЧЕСТВО И БОРЬБА:
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В статье рассматриваются взаимоотношения власти и общественных организаций, оставивших наиболее заметный след в истории Первой мировой войны, – Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ), созданных в июле-августе 1914 г. Историография вопроса освещается в моем обзоре и в недавно вышедшей монографии А.С. Тумановой [29; 30].

«Грандиознейший ВЗС»¹, «государство в государстве» сыграл особенно большую роль в военных усилиях страны в 1914–1917 гг. Его 75 санитарных поездов перевозили больных и раненых в тыл (2,5 млн человек). Уже в 1915 г. он развернул широкую сеть тыловых госпиталей, содержал 3 тыс. лазаретов, располагая 200 тыс. коек. Оказывалась всесторонняя помощь увечным воинам и нуждавшимся в спешечении. ВЗС первым принял на себя заботу о беженцах, хлынувших в глубь страны (2,7 млн к лету 1916 г.), создавая питательные пункты, отряды проводников, пункты регистрации, приюты для детей и т.д.; принимал пожертвования и распределял их и прежде всего – в действующую армию; отправлял посылки и письма военнопленным. Учреждениями ВЗС закупались различные товары, продовольствие, сырье, медикаменты, в том числе и за границей. Склады имели товаров на 2 тыс. наименований. ВЗС участвовал в снабжении армии бельем, теплой одеждой и обувью и пр.

На фронте действовали многочисленные учреждения ВЗС: передовые отряды, дезинфекционные и дезинсекционные камеры, строительные отряды,

1. ОР РГБ. Ф. 436. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 9.

заводы и мастерские, бани, прачечные, чайные и др. – 146 видов различных предприятий. ВЗС и ВСГ создали и содержали на фронте 2/3 всех медико-санитарных учреждений. Работа ВЗС была интенсивной и многогранной [32]. Помощник председателя комитета ВЗС Северного фронта С.Е. Трубецкой писал, что работать приходилось с утра и до позднего вечера и безо всяких праздников («по воскресеньям мы работали, как в будни») [28, с. 125].

В 1916 и 1917 гг. численность ВЗС составляла более 200 тыс. (к середине сентября 1917 г. – 232 тыс., из них – 175 тыс. в центральных и местных организациях ВЗС, причем 45 тыс. – женщины)². К концу 1916 г. общее число учреждений Земского союза достигло 7728 (учреждений ГК – 174; учреждений губернских комитетов – 3454; фронтовых комитетов – 4100). «Общие размеры дотаций казны земствам и ВЗС за 38 месяцев войны составляли не менее 1,5–2 млрд руб. И эти данные еще не учитывают всего роста Земского союза» [19, с. 266–268].

Немалую лепту в военные усилия страны внес и ВСГ. К сентябрю 1917 г. в ВСГ входило 630 городов – около 75% всего числа городов России того времени. На сентябрь 1917 г. в нем насчитывалась 81 тыс. человек. Через госпитали Союза с начала войны до января 1916 г. прошли 1 млн 260 тыс. раненых. В его госпиталях лечились 18,5 тыс. человек с инфекционными заболеваниями. Под флагом Союза на фронтах работало 68 врачебно-питательных и санитарно-технических отрядов; он содержал 247 лечебных заведений с койками, 270 амбулаторий, зубо-врачебных и рентгеновских кабинетов. К осени 1916 г. число коек на учете Союза городов было 200 тыс. – в 3 раза больше, чем предполагалось военным ведомством.

Чрезвычайно важную роль в деле помощи больным и раненым воинам сыграло городское самоуправление Москвы. Во время больших сражений в Москву прибывало более 20 поездов в день (с 10 тыс. раненых). Москва открыла 1075 госпиталей. Она спасла страну и от эпидемий, заслонила ее внутренние районы. 60% эвакуационного потока шло через Москву. Поступали тысячи больных тифом, оспой, холерой и т.д. (45 тыс. лечились в спецгоспиталях).

ВСГ громко забил тревогу, когда началось «великое народное бедствие» – беженство. ВСГ сформировал несколько отрядов проводников. Они обслужили 1 тыс. поездов и до 1 млн беженцев. Московский железнодорожный узел иногда был забит составами с беженцами (до 800 вагонов в день). Около 150 тыс. беженцев осели в Москве, десятки тысяч – в Подмосковье. Городское самоуправление и ВСГ приняли их, устраивая их быт [33].

2. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 438. Л. 14 об.

ВСГ заботился и об увечных воинах, о военнопленных. За рубеж были посланы сотни тысяч писем, посылок для военнопленных, запросов о них. В Москве открылась специальная хлебопекарня для выпечки сухарей для военнопленных. До 1 октября 1916 г. было отправлено в Германию до 110 вагонов сухарей.

На фронтах Союз городов имел 388 питательных пунктов, столовых и чайных, на которых было выдано $50\frac{1}{3}$ млн обедов и 80 млн порций чая. В больших цифрах выражалась и санитарная помощь ВСГ на фронтах.

Деятели ВСГ считали, что работа на фронте была исключительно живой и благодарной. Именно здесь чувствовалось слияние общественной работы с действующей армией. Все необходимое для лазаретов, транспортов, бань часто производилось на месте, создавались заводы – мыловаренные, кожевенные, по производству барачков. Заводились свои мельницы, хлебопекарни, мастерские. Открывались лавочки, чайные и т.п. Но главное – помощь больным и раненым воинам. И это была самоотверженная работа. Нередко учреждения ВСГ уходили последними, за ними взрывали мосты. Наград сотрудникам ВСГ не полагалось: Главный Комитет ВСГ принял специальное решение о том, чтобы не ходатайствовать перед военным командованием о наградах. В ВСГ многие учреждения работали «на энтузиазме» – без зарплаты, например сотрудники питательных пунктов практически все работали безвозмездно.

Много сделал для армии и Земгор (Объединенный главный по снабжению армии комитет Всероссийского Земского и Городского союзов, созданный в июле 1915 г.) [31].

ВЗС и другие общественные организации способствовали тому, что Русская армия, выдержав три года тяжелейшей войны и не раз выручив союзников по Антанте из серьезных ситуаций, внесла свой существенный вклад в их победу. 22 января 1917 г. в английской газете «Morning Post» (в статье «Русский земский союз») утверждалось: «Ни у нас, ни во Франции нет такой организации, созданной для борьбы с внезапным грозным нашествием, которая превосходила бы русский Союз земств. Заслуги, которыми русская мощь обязана Союзу, неисчислимы» [32, с. 334].

Генерал Н.Н. Головин писал, что польза от «напряженной самодеятельности общественных кругов была очень велика» [5, с. 168–169].

«Располагая громадными средствами, опираясь на грандиозный аппарат земских и своих специалистов, ВЗС (в пределах поставленной перед ним задачи) пользовался громадным фактическим влиянием в стране. Организация помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны своей главной тяжестью легла именно на союзы земств и городов». С тяжелыми последствиями мировой войны смогла эффективно «бороться только организованная самодеятельность населения» [1, с. 142].

Разумеется, такая огромная работа на нужды фронта не была бы возможной, не будь тесного сотрудничества между этими общественными организациями и государственными учреждениями, с властью. Первый историограф союзов М.Д. Загряцков уже в 1915 г. называл их «интереснейшими социальными организациями», имеющими чрезвычайно важное значение, так как они являлись «признанным центром общественной самодеятельности», группирующим около себя живые общественные силы, и единственной формой, в которой «допускается деятельное участие русского общества, как такового, в переживаемых великих событиях» [7, с. 7, 23].

Но в России дело обстояло так, что их практическая работа в силу общественного характера союзов и самодержавного характера власти вызывала коллизии. Историков всегда более привлекала не столько эта работа союзов, сколько их оппозиционная деятельность: осенью 1915 г. «союзы оказались во главе оппозиционного движения прогрессивной общественности» [6, с. 48].

И с давних пор в литературе ведется полемика о характере либеральной оппозиции царизму. Одни историки определяют ее как «штурм власти», другие – как «борьбу за власть», третьи констатируют активное участие союзов «в общественно-политической жизни предфевральской России». Есть и точка зрения на либеральную оппозицию как весьма умеренную по своему характеру. При этом исследователи расходятся во мнениях о влиянии социально-политического и партийного состава союзов на оппозиционные выступления ВЗС и ВСГ. Некоторые авторы полагают, что главную роль в ВЗС играли октябристы, а в ВСГ – кадеты. ВСГ «являлся чисто кадетским “детищем”». С ними не соглашались те, кто утверждает, что союзы были созданы цензовой общественностью без прямого участия этих партий. Бытует и представление о «широком сотрудничестве самых различных социальных слоев города и общественно-политических сил», обеспечивших социальную базу для активного участия ВСГ в общественно-политической жизни страны.

Исторический парадокс, однако, состоит в том, что хотя кадеты и октябристы действительно возглавляли ВСГ и ВЗС, – ни партия народной свободы, ни партия октябристов не руководили этими союзами. По крайней мере это вполне очевидно в первый год войны.

Видный деятель ВСГ, член ЦК кадетской партии Н.И. Астров утверждал: «Мы никогда не проводили в Союзе какие-либо политические программы той или иной политической партии. Мы были свободны от директив партий. Таково было молчаливое соглашение между нами, участниками в работах Союза и партиями, к которым мы принадлежали. В наших ответственных “политических выступлениях” мы выражали настроения тех общественных кругов, которые объединял Союз городов, и формулировали эти настроения... Политика съездов Союза городов не была самодовлеющей политикой. Она была

производной их работы и отнюдь не была осуществлением какой-либо заранее составленной политической программы»³.

Тогда в составе городских дум прогрессивно-либеральные элементы были в меньшинстве. Однако условия времени, опасность, нависшая над страной, производили свое действие, и недавние консерваторы и ретрограды примыкали к либерально и демократически настроенному меньшинству.

О том же свидетельствует один из руководителей ВЗС С.А. Котляревский, считавший, что «было бы совсем неправильно» приписывать Земскому союзу «определенно партийную физиономию». Те уполномоченные губернских земских собраний, которые составляют высший орган ВЗС, принадлежат «к более или менее различным политическим оттенкам», но это не нарушает единство их взглядов на задачи и формы помощи армии, как и на условия организации тыла [10, с. 40].

Доминировали в союзах либералы – к.-д., прогрессисты, октябристы. «Партийность», при нацеленности ВЗС и ВСГ на практическую работу, не играла существенной роли ни при их создании, ни в начале деятельности союзов. «Патриотический подъем и возвышенное настроение вылились у тех общественных деятелей, которые по тем или иным причинам не пошли на фронт, в стремлении к объединению для помощи больным и раненым воинам» [36, с. 298].

Либералы с энтузиазмом подхватили слова царского манифеста о забвении внутренних распри и об укреплении единения царя с его народом. Кадетская «Речь» заверяла власть в искреннем желании общественности всеми силами содействовать общенациональной цели. Один из столпов российского либерализма С.Н. Булгаков писал, что «наконец наступило для России спасительное единение царской власти и народа» [30, с. 34].

В отечественной историографии многие десятилетия это «единение» в начале войны рассматривали как шовинистический угар, охвативший страну, не подверженным которому, с «ясной» головой, оказался лишь рабочий класс. Теперь положение в исторической литературе иное: патриотизм россиян всех национальностей получил в ней постоянную «прописку». Известный лозунг «Все для фронта! Все для победы!» был самым популярным лозунгом ВЗС и ВСГ. В эпоху мировых войн, как отмечает Е.С. Сенявская, вопрос нередко стоял уже «о самом существовании государства и даже жизни его народа [25, с. 366].

Создатели общественных организаций, будучи весьма образованными людьми, осознавали это особенно остро. Для русского общества поддержка правительства, «единение» с властью, патриотизм – были в XX в. новым

3. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 42, 54.

явлением, – в пору «японской войны пораженческие настроения в либеральной среде были весьма сильны и даже такой умеренный либерал, как В.А. Маклаков, тогда секретарь «Беседы», говорил, что поражение на Дальнем Востоке заставят царизм пойти на уступки⁴.

В 1914 г. положение было иным. Многие отчетливо сознавали, что ни Красный Крест, ни военное ведомство не вполне подготовлены для обслуживания предстоящего колоссального количества раненых и больных. Последнее обстоятельство во многом и объясняет ту легкость, с какой правительство согласилось с учреждением ВЗС и ВСГ. Это была реакция со стороны высших представителей власти *на первых порах*: «Слишком серьезными казались надвигавшиеся события... Да и взаимоотношения власти и общества изменились» [19, с. 255]. Представители власти тоже были захвачены патриотической эйфорией первых дней войны. Кроме того, были и «некоторые общие предпосылки, которые – и психологически, и по существу – влияли на правительственную работу, особенно вначале: "...война неизбежно должна быть краткой... Гипноз краткости налагал на работу всего государственного аппарата и на общественные настроения определенный оттенок"» [36, с. 267–268].

«Единение» было на волне патриотического воодушевления. Но оно изначально таило в себе семена грядущей борьбы и конфронтации власти и общества. Слишком по-разному понималось «единение» создателями союзов и «исторической властью», «высочайшим соизволением» давшей этим организациям путевку в жизнь. Несмотря на патриотическую эйфорию, власть строго блюла свои жизненные принципы с первого дня существования общественных организаций: срок их деятельности был отмерен временем войны. И самой работе организаций ставились узкие пределы: только помощь больным и раненым воинам и только в тылу. Смелость, с которой она одобрила инициативу создания союзов, объясняется и тем, что весь предшествующий опыт ее общения с местными самоуправлениями был на ее стороне, – она всегда держала их под контролем. Кроме того, она поверила общественности, заявившей, что откладывает счеты с властью до конца войны. Это была большая иллюзия власти, уже потому, что сама она считала себя свободной от всяких обязательств, а призыв царя к единению, прозвучавший в манифесте 20 июля 1914 г. был, в сущности, лишь призывом к смирению верноподданных. «Единение» с высоты престола виделось как забвение прошлого лишь со стороны общества.

Со своей стороны и деятели союзов, искренне желавшие полного единения с властью, впали в иллюзию, полагая, что власть на период войны прекратит свою борьбу с обществом, даст ему возможность нестесненной

4. ГИМ ОПИ. Ф. 31. Д. 242.

работы для армии, для победы. Но у них была и «голубая мечта»: возникшие союзы вывести на более широкое поле деятельности, чем только помощь раненым, и сохранить эти организации и в послевоенное время, придав им гражданское назначение. Так, например, приехавшие в Москву на съезд будущего ВСГ городские головы с большим единодушием «высказались за желательность и даже необходимость существования такого союза как постоянного института» [27, с. 535–536].

Это была хотя и «умозрительная самодеятельность», но уже нарушение царского табу. Так, за флером патриотизма угадывался уже потенциальный конфликт. Впрочем, в либеральной среде были деятели, с самого начала не верившие в искренность расположения власти к инициативам общественности. Бывший городской голова Москвы В.М. Голицын писал в своем дневнике, что правительство «снова поднимет гонения»⁵. М.Д. Загряцков подчеркивал общественное начало союзов: «Общественное и политическое значение Земского и Городского союзов не подлежит сомнению: под влиянием тяжелых ударов судьбы общественная мобилизация осуществила идеал объединенного земства, к которому русские органы самоуправления стремились систематически и непрерывно в течение 50 лет» [30, с. 34].

Он писал, что ему приходилось наблюдать работу местных земцев на деле, и «всегда прежде всего бросается в глаза чрезвычайная сила притяжения к ним окружного населения. В Московском уезде, например, эти местные комитеты объединили и представителей интеллигенции, и фабрикантов, и крестьян, и рабочих. В момент национального подъема ослабили националистические и сословные чувства. Так, в Скадовске, одном из небольших курортов Черноморского побережья, комитет общеземского союза состоял под председательством жены местного землевладельца, бывшего предводителя дворянства и члена Госуд. совета, из врача и его жены, окончившей Высшие женские курсы, 17 крестьян и пяти евреев-торговцев» [7, с. 16–17]. В союзах активно работали и женщины. П.Н. Милуков говорил о «строгой деловой земской организации кн. Львова» [11, с. 180].

П.Б. Струве и год спустя полагал, что для главноуполномоченного ВЗС Г.Е. Львова партийные догматы и шаблоны не имеют никакого значения. Член ЦК кадетской партии Д.И. Шаховской на заседании ЦК 25 августа 1914 г. отмечал, что «высшие заправилы опасаются засилья к.-д. и боятся допускать их к делу». Тогда же, в августе 1914 г. А.И. Шингарев, коллега Д.И. Шаховского и земский деятель, фаталистски говорил, что «единственное, что сейчас остается, – практическая черная работа... Надо совсем бросить разговоры о возможности политической работы». О необходимости

5. ОР РГБ. Ф.75. П.31. Л. 122 об.

«самой черной работы», вторя ему, заявляла и А.В. Тыркова, ибо «здесь жизнь, на всякие же партийные съезды будут являться пять человек». Более того, кадеты признали желательным «усилить всячески практическую работу в общественных организациях» [21, с. 364, 366, 367, 374].

В Городском союзе партийные знамена были свернуты. Возглавлявший Городской союз М.В. Челноков даже опубликовал в прессе письмо, в котором отказывался от партийно-политической деятельности. Кадетский «Олимп» вынужден был считаться с тем, что «созданы огромные организации, земские и городские, в состав которых вошли десятки тысяч лучших работников» [21, с. 408, 433].

Союз «свободно, по указанию требований своего опыта, строил свою конституцию, что... обеспечивало правильность его органического развития» [13, с. IV]. Руководящие органы союзов наполняла в основном ценовая общественность, – это были «издержки» Земского положения 1864 и Городового положения 1892. Состав съездов ВЗС определялся губернскими земскими собраниями, а съездов ВСГ во многом – составом городских дум. Но все-таки в своей организации союзы (и прежде всего ВСГ) не были связаны жесткими рамками, и это дало им возможность приглашать к работе, не стесняясь ограничениями этих Положений и не считаясь с установленным для самоуправления цензом, тех людей, которые могли быть полезны для дела, приводить быстро в исполнение свои решения. Эти свобода действий и свобода выбора во многом и определили успех практической работы ВЗС и ВСГ.

Деятели союзов с головой ушли в эту работу, начав ее с энтузиазмом на высокой патриотической волне. Тогда они действительно стремились «к единению» с властью, отложив в сторону партийно-политическую деятельность. Либеральные партии в начале войны как бы впали в политический анабиоз. Да и по организационной слабости они, особенно еще ранее расколовшаяся на три части партия октябристов, не могли руководить союзами. И позже ВЗС и ВСГ были политически относительно самостоятельными. По ряду вопросов они весьма критически относились к тактике и кадетов, и Прогрессивного блока, и даже Государственной думы, хотя в целом проводили либеральный курс и в основном разделяли программу Прогрессивного блока. Глава ВЗС Г.Е. Львов еще и в марте 1916 г. дистанцировался от открытой политической борьбы. Он говорил: «Мы не занимаемся политической борьбой... Наша политика творится самым фактом нашей работы, имеющей государственное значение...»⁶.

Лидер ВСГ М.В. Челноков, характеризуя взаимоотношения Союза с властью в первый год войны, говорил: «Особенно дорого, ценно для нас –

6. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 9. Л. 182.

это отношение к нам военного ведомства. И отрадно сказать, что работа нашего Союза отмечена высоким порывом помочь воинам всегда и везде, особенно в высших представителях ведомства, встречает правильную оценку, откровенную поддержку и искреннее желание помочь. То же можно сказать и о высшем правительстве. В этом деле оно стало на правильный путь доверия и взаимодействия с общественными силами и, думаю, результат не заставит разочароваться в таком отношении к обществу»⁷.

Но Челноков больше выдавал желаемое за действительное, – уже тогда отношения союзов и власти не были столь безоблачными. В противовес своему лидеру Н.И. Астров утверждал, что «со стороны представителей власти отношения остаются старые, привычные, назовем их скромно “недоброжелательными”» [9, с. 7].

Многие городские головы, в том числе и городской голова Петрограда, приходили в отчаяние от явного нерасположения властей к городскому самоуправлению: «Никто помочь не хочет – ни министерства, враждебно относящиеся к “самоуправлениям” и желающие их провала, ни военные власти, предъявляющие только требования и не ударяющие палец о палец там, где нужно поддержать» [27, с. 673].

Правительство явно не учло уроков прошлого. Как писал А.А. Брусилов, вновь был выдвинут старый лозунг: «Держи и не пушай!», а все осталось по-старому. Что посеяли, то и пожали!» [4, с. 246].

Контраст с тем единением, которое наблюдалось в начале войны, был очевиден.

«Эта вторая война, – вспоминал А.Ф. Керенский, – предоставила царю уникальную возможность протянуть народу руку дружбы, тем самым обеспечить победу в войне и укрепить монархию на многие годы вперед» [24, с. 28]. По сути, о том же говорилось на заседании ЦК кадетской партии уже в ноябре 1914 г., когда констатировались колоссальные изменения в настроениях страны со времени исторического заседания Госдумы 26 июля. Тогда имели право говорить о единстве страны, так как оно действительно существовало. Готовясь к жертвам, страна напряженно чего-то ждала от власти. Особенные ожидания связывались с приездом царя в Москву. Но время уходило и ничто во внутреннем курсе политики не изменялось. С тех пор настроение стало падать и кое-где сменялось уже громадным разочарованием. Здесь же указывалось, что недовольство в стране растет в геометрической прогрессии [21, с. 426, 428]. Таким образом, уже в конце 1914 г. волна патриотического подъема в стране явно шла на спад.

⁷ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 4. Л. 105.

Рассматривая любое проявление общественной инициативы как подрывную акцию, правительство сделало все возможное, чтобы в зародыше подавить целый ряд заслуживающих внимания устремлений, включая предложения ВЗС и ВСГ по повышению боеспособности через мобилизацию промышленности, оказание помощи беженцам и реорганизацию системы здравоохранения. Сама по себе такая политика царского правительства не была бы губительной, если хотя бы некоторые из принимаемых им мер были успешными. Однако когда ужасные провалы на фронте и явные просчеты в управлении тылом стали широко известны, правительство попало под огонь критики.

В такой обстановке начала сказываться и оппозиционность союзов, но вовне она проявлялась поначалу неуверенно и робко, скорее союзы шли по инерции патриотического единения. Как считал А.Н. Яхонтов, «за первые месяцы войны, при господствовавших настроениях, союзы не позволяли себе вызывающих выступлений...» [36, с. 302]. И это не было тактикой общественных организаций. Астров откровенно писал, что русское прогрессивное общество с началом войны прекратило политическую борьбу и «устремилось на помощь власти в организации победы»⁸.

Тяжелейшие поражения Русской армии в Карпатах и стремительный откат войск из Галиции, «великое отступление» вызвали потрясение, шок в стране. Всплеск негодования в обществе был беспрецедентным. Никто не ожидал такой катастрофы. Многим грезились триумф русского оружия, победное шествие на Берлин и лавры страны-победительницы. Вместо этого «Галицийский апокалипсис», кошмар тысяч убитых, раненых, попавших в плен, нескончаемый поток беженцев, растекшийся по всей стране, новые мобилизации запасных, прогрессирующая дороговизна, ухудшение качества жизни. Поползли слухи об измене, о «темных силах», свивших гнездо чуть ли не в царских чертогах. Общественность встрепенулась, сбросила оцепенение «единения с властью». Она открыто ставила в вину «приказному строю» неготовность армии к большой войне и прежде всего катастрофическую нехватку вооружения и снарядный голод, сыгравшие ключевую роль в поражении российских войск.

Огонь критики сосредоточился на правительстве и особенно на военном министре В.А. Сухомлинове. Но общественность не довольствовалась только критикой, – она отозвалась и организационно. Прошли съезды ВСГ, ВЗС, Военно-промышленных комитетов (ВПК). Наиболее характерна для всех съездов речь при открытии съезда ВЗС 5 июня 1915 г. его главноуполномоченного кн. Львова. Князь обрисовал ту огромную работу, которую провел

⁸ РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

ВЗС за десять месяцев своего существования. На фронтах, говорил Львов, «мы слились... с жизнью армии». И он вопрошал своих единомышленников о том, идет ли работа гладко «в отрядном, бодрящем единении» в тылу? – «Каждый из нас прекрасно сознает, – что нет». Он напоминал о тех трениях, преодолеть которые стоило союзу громадных усилий. ВЗС заполнил ту область, которая была абсолютно пуста. Когда это делалось – власти приветствовали, но когда была создана эвакуационная организация, то на каждом шагу она стала встречать препятствия. Печальная история произошла и с работами Союза в области заразных болезней. Он мог создать стройную организацию, но это не осуществилось. Сверху проведена в жизнь идея разъединения сил. И в результате борьба с инфекционными заболеваниями в стране не организована должным образом. Вспыхивают эпидемические заболевания.

Львов признавал, что дело ведется Союзом на народные деньги, которые отпускает ему правительство. Вместе с тем он отметил те затруднения, с которыми сопряжено их получение. Требования Совета министров, обуславливавшие отпуск средств, постоянно повышались. В результате ассигнования шли крайне медленно, и работа ВЗС проходит в ненормальных условиях.

В заключительной части речи Львова сочетались традиционная верноподданность и поднимающаяся оппозиционность общественности: «Предлагаю вам, господа уполномоченные земств, в эти трудные минуты засвидетельствовать Государю Императору нашу беспредельную преданность и искреннюю готовность отдать все свои силы на служение армии для доведения войны до полного одоления врага, и выразив непоколебимую уверенность в торжестве русского оружия, высказать единодушное убеждение земской России, что объединение правительственных и общественных сил, столь необходимое в настоящую минуту, требует немедленного созыва Государственной думы»⁹.

Переход союзов от «священного единения» с властью к «патриотической тревоге» летом 1915 г. (на волне которой был создан в июле Земгор и резко возросли масштабы работы тыловых и фронтовых учреждений ВЗС и ВСГ), был обусловлен не только поражениями на театре военных действий, но и обострением проблем внутренней жизни в стране, вызывавшими массовое недовольство населения и, конечно, теми препятствиями, которые ставило правительство практической работе Союзов в центре и на местах.

П.И. Корженевский, уполномоченный комитета Юго-Западного фронта, присутствуя на заседаниях комитета, «уловил звучащую в комитете ноту недовольства. Это было особенно разительно здесь, среди людей, далеко не экстремистов, среди самых верхов комитета, этих крупных помещиков, пред-

⁹ РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 7. Л. 41–45.

водителей дворянства, даже старых чиновников. Замечательно было сочетание недовольства и дела. Оно было именно деловым недовольством, недовольством творца на злостное препятствие в деле, которому отдавались всей душой, всем помышлением... Но, действительно, все начинания, вся деятельность комитета постепенно упиралась в тупик тупой бюрократии и заржавленного старого военного механизма...»¹⁰.

Бюрократия стремилась, начиная уже со времени Н.А. Маклакова, и это признавал Б.В. Штюрмер, по возможности «сузить предназначение» и деятельность союзов¹¹.

27 февраля 1915 г. состоялось заседание Совета министров, практически посвященное деятельности союзов. Застрельщиком похода против ВЗС выступил генерал В.И. Покатило, недовольный национальным составом организаций Земского союза в Ростове-на-Дону и якобы пропагандой левых взглядов «революционной рвани». На заседании Совета министров он говорил, что «одно сплошное фарисейство – весь этот союз... Власть уходит из рук, идет издевательство над властью». При всем при том он признавал, что «по внешности все хорошо, т.е. практическая работа шла нормально» [26, с. 139, 141].

И это все говорил наказной атаман Войска Донского, еще четыре месяца назад заявлявший в телеграмме в ГК ВЗС: «Счастлив, что вверенная мне область примкнула к руководимому вами святому делу»¹².

Но важнее, конечно, реакция на ВЗС министров Российской империи. Н.А. Маклаков был последовательнее всех в неприятии Союза: «Смотрю на вопрос шире. Дело в союзе стоит неблагополучно. Хотел уточнить его положение, не допуская государства в государство – на это союзу бескорыстная работа прав не создаст. Вся Россия сталкивается с союзом. Кампания во многих случаях темная... Государство не может дольше молчать. Иначе власть растворится в чем-то ей заведомо враждебном... Порядок в руках власти губернаторской, и он отвечает за все. Как же допускать рядом с ним обособленные организации» [26, с. 140].

Общий тон заседания Совета министров был обличительный по отношению к ВЗС. Разрешение деятельности союза – ошибка, за которую «расплачиваемся и еще будем». Но запрещать его «через семь месяцев – поздно» [26, с. 140, 142].

Н.А. Маклаков уже второй раз резко ставил вопрос об общественных организациях на заседании Совета министров. Первый раз он это сделал еще 25 ноября 1914 г. Обсуждалась его записка, составленная им 18 ноября того

10. РО РГБ Ф. 436. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 34–35.

11. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 26. Л. 221–223.

12. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

же года. В записке указывалось, что оба эти союза (ВЗС и ВСГ. – В. Ш.) «не мирятся с временным характером своей деятельности и определенно готовятся к той работе по переустройству общественной жизни, очередь которой должна наступить, по их мнению, после благополучного окончания войны. ...За неизбежность уклонения в сторону политики, если не в настоящем, то в последующее и, несомненно, недалекое время, подчеркивалось в меморандуме Маклакова, говорит, между прочим, самый состав главных деятелей союзов, в большинстве принадлежащих к нашим оппозиционным партиям». Маклаков заявил себя решительным сторонником наделения правительственной власти правом влиять на личный состав местных отделений обоих союзов. Однако это предложение не встретило сочувствия у его коллег. Маклаков считал также необходимым и определить срок упразднения союзов примерно в полгода со времени прекращения деятельности открытых ими санитарных учреждений [26, с. 390–391].

В своей практической работе союзы пересекали незримую границу, отделяющую общественную деятельность от административной, что вызывало раздражение власти и ответную реакцию союзов. ВСГ был не только организацией по исполнению технических задач, он был и оставался общественной организацией, откликавшейся на все наиболее острые моменты жизни страны. Занимаясь хозяйственной работой, он приобретал право, как казалось Астрову, говорить. Со словами призыва и предупреждения он «обращался к власти и стране, голос его слышали и страна, и власть. Сочувствие страны было вне сомнения. Но власть не скрывала своего враждебного отношения к союзам и не останавливалась перед резкими мероприятиями, знаменовавшим старую тенденцию борьбы с русской общественностью»¹³.

Правительственная власть всячески тормозила и урезала ассигнования на беженцев, эпидемические заболевания, увечных воинов. В некоторых местах ассигнования городских дум в средства союза опротестовывались губернаторами как расходы, не предусмотренные законом.

Деятельность ВСГ, например, встречала в Томске и других сибирских городах большие препятствия со стороны местной администрации, которая не разрешала «учреждение местных комитетов союза, ссылаясь на неполучение надлежащих инструкций от центральной власти»¹⁴.

Сотрудничество власти и общества, все более омрачалось тяжелыми поражениями на фронте, ростом тягот военного времени, разрухой, дороговизной, продовольственным кризисом. Разногласия власти и общественных организаций и по конкретным, практическим вопросам, и по вопросам политическим приобретали все более острый характер, обусловив полную транс-

13. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 82. Л. 225.

14. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–13 об.

формацию их политических взаимоотношений, вплоть до запрета властью съездов организаций и ее стремления свернуть их практическую деятельность. Общественные же организации эволюционировали в своей оппозиционности до требования об «ответственном министерстве».

18 августа 1915 г. Московская городская дума, где «верховодили» Челноков и Астров, послали телеграмму царю, в которой подчеркивалось, что «основой достижения победы является единение народного представительства со страной. Стоящие ныне перед страной задачи требуют создания правительства, сильною доверием общества и единодушного. Во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна» [15; 16].

Николай II отвечал уклончиво и «безлико». Но в тексте явно читалось «нет» ходагатайству гласных думы: «Вполне разделяю мысль, что теперь, когда все силы должны быть направлены к одной цели – одолению врага, особенно необходимо единение царя и его правительства с народом» [15, с. 101].

Между тем общественное возбуждение нарастало. Характеризуя атмосферу экономического совещания 11–13 июля 1915 г., Астров вспоминал, что уже тогда «раздавались речи, полные неистовой злобы, ненависти и угроз. Это были речи “революционного подполья”, которое в лице представителей больничных касс и рабочих организаций оказались на совещании. Тут прозвучали впервые пораженческие ноты». Однако все эти возгласы ненависти потонули в общем одушевленном желании найти условия, необходимые для победы. В резолюциях совещания выражалось настоятельное пожелание «единения всех сил страны» в работе по защите государства. «На этом совещании, – писал Астров, – впервые было высказано..., что страна может победить только при условии, если власть будет в руках “правительства, пользующегося доверием страны”. Что это было? Агитация? Бунт? Или созревшее убеждение, которое вскоре стало убеждением всей России. Убеждение, выраженное в совершенно лояльной форме... Это был отклик общества на обнаруженный обман. Ведь в феврале 1915 г. года военный министр заявил в Государственной думе, что армия обеспечена боевым снаряжением и что к марту снарядов и ружей будет в избытке. А между тем именно недостаток снарядов и вооружения уничтожил все успехи русской армии на юго-западном фронте и вызвал отход армии из Галиции. В этом постановлении экономического совещания Союза городов правые круги усмотрели опасное политическое выступление. С нашей же точки зрения, это было лишь предупреждение и предостережение, к сожалению оставшееся гласом вопиющего в пустыне»¹⁵.

15. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

Астров и в эмиграции полагал, что тогда «была еще возможность предотвратить грозу»¹⁶. Но большой уверенности у него в этом все же не чувствовалось¹⁷. Как образно писал С.Е. Трубецкой, «власти следовало проявить умеренный либерализм и крепко взять поводья в руки...» [28, с. 147].

Однако общественность добивалась некоторых уступок от «старой власти». Начали функционировать ВПК, Земгор, расширялась деятельность ВЗС и ВСГ, представители общественности работали в Особых совещаниях, «пунктиром», но все же работала, собиралась Дума по указу царя и он сам 9 февраля 1916 г. посетил Государственную думу (единственный раз за все время существования законодательных палат). Возник Прогрессивный блок, «уходили» наиболее одиозные министры, по сути была отменена росчерком пера министра внутренних дел в августе 1915 г. черта оседлости и т.д. То есть сотрудничество было не только практического, но и политического свойства, хотя это сотрудничество в борьбе и именно эта борьба в условиях растущего недовольства в стране во всех слоях населения и побуждала царизм к уступкам.

Ц. Хасегава пишет, что деятельность Николая II во время войны была искусным маневрированием между «крайностями»: правыми, домогавшимися резкого ужесточения правительственного курса, и либералами, выступавшими за «министерство доверия». Но вместо того чтобы сформировать летом 1915 г. «министерство доверия» (это легко было бы сделать, заменив Горемыкина Кривошеиным), царь уволил «мятежных» министров, принял на себя командование армией, а практически развязал руки камарилье. Поэтому его маневрирования, принесшие ему небольшие, тактические успехи, только усугубляли «кризис верхов», что в конце концов обернулось низвержением монархии [38, с. 576].

Но это было «маневрирование» во имя сохранения режима самодержавной власти. Режим показал свою неэффективность в войне. Уже в 1915 г. некоторые деятели союзов считали, что «главная беда в Николае II... Страна в таком положении победить не может...» [22, с. 153–154].

И предвидели возможность его низвержения. Впрочем, С.Ю. Витте, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев и другие российские «нострадамусы» пророчили это задолго до войны. Зная царя, Н.А. Маклаков говорил: «Погибнуть с этим человеком можно, а спасти его нельзя» [2, с. 121].

Теперь и в российской историографии высказывается мнение, что романовская империя потерпела крушение прежде всего «из-за личностного фактора», – неспособность Николая II «адекватно среагировать на вызовы времени и вывести страну из кризисной ситуации» [35, с. 372, 374].

16. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

17. Там же. – Л. 78.

Царь не «прихлопнул» союзы, несмотря на постоянное давление правых партий и камарильи, потому что нуждался в их хозяйственной деятельности из-за слабости экономики, неповоротливости бюрократического аппарата, а также учитывая общественное мнение страны и необходимость финансовой, экономической и военной помощи союзников по Антанте.

Император и все рыцари старого строя надеялись взять реванш после войны. А.Н. Яхонтов писал, что вопрос о «захватываемой союдами политической роли и несоответствующих временному учреждению функций подлежал разбору после войны... В нормальной обстановке отпадут основания для дальнейшего их существования». Поэтому-то пожелания общественности не остались без ответа [36, с. 302].

Но Яхонтов сам себе противоречил, когда, с одной стороны, указывал, что союзы стремились обходиться «без какого-либо сотрудничества с “бюрократическими установлениями”», а с другой – писал о том, что множество разнообразных поручений возлагалось на них не только в тылу, но и на фронте. Союзы имели возможность обслуживать санитарные и эвакуационные дела в небывалом размахе и... всестороннее, чем Красный Крест и тем более военно-санитарные ведомства... Устраивались подвижные парикмахерские, переносные бани, дешевые лавочки, доступные библиотеки, всевозможные увеселения для солдат и др. День за днем повсюду складывалось впечатление, что под союзною опекой «хорошо, удобно, сытно, а у казенных чиновников – “мерзость запустения”». Такие впечатления распространялись не только среди раненых и больных, но и в окопах, и среди отводимых на отдых воинских частей, и в массе населения» [36, с. 300].

Несмотря на то что эти записи были сделаны Яхонтовым спустя многие годы после Первой мировой войны, в них и ныне чувствуется негодование старого монархиста по поводу военных властей, как бы протезирующих Союзу: «Фронтовые высшие власти, – отмечал он, – не только не препятствовали чрезмерному росту популярности Земгора, а напротив, покровительствовали ему» [там же].

В.А. Оболенский, долгое время работавший во фронтовом комитете и хорошо знавший обстановку «изнутри», отмечая, что правительство чинило «всяческие препятствия работе общества на пользу армии», подчеркивал: «Если тем не менее дело общественных организаций продолжало расти и развиваться, то только благодаря тому, что армия ими дорожила, а верховный главнокомандующий Николай Николаевич им покровительствовал» [12, с. 498].

Союзы участвовали в создании ЦК общественных организаций по продовольственному делу, их представители привлекались к работе в Особых совещаниях по продовольствию, топливу, перевозкам и обороне. Роль представителей союзов в Особых совещаниях в ту пору, когда во главе военного

министерства стоял прислушивавшийся к голосу либеральной общественности генерал А.А. Поливанов, была весьма заметной. Поливанов стремился наладить работу своего министерства [17; 18]. Вся ее деятельность в совещаниях была «проникнута ярким сознанием государственной роли союзов». Представители союзов стремились к развитию промышленных организаций и к возможному сокращению заграничных заказов не только по валютным, финансовым соображениям, но и, прежде всего, с точки зрения широкого экономического будущего России [8, с. 73–74].

В министерских кругах отношение к союзам и их съездам было недоверчиво-тревожным. Министр Кривошеин, заигрывавший с либералами, тем не менее чувствовал, что при уступках у него уже есть опасный соперник – князь Львов. «Сей князь чуть ли не председателем какого-то правительства делается. На фронте только о нем и говорят... Надо с этим или покончить или отдать ему в руки всю власть... Если нельзя отнимать у земского Союза захваченное им до сих пор, то, во всяком случае, не надо расширять его функции дальше». Проницательность Кривошеина тут сказалась: князь Львов уже стоял за думским блоком [11, с. 187–188]. Но и не всем либералам нравился стремительный рост популярности Земского союза и его лидера. Служащий канцелярии Государственной думы, один из руководителей Земского союза, Г.А. Алексеев отмечал, что «Родзянко очень не любит и боится нашего Союза, в особенности же его пугает тот колоссальный престиж, которым пользуется наш князь. Сейчас князь Львов – некоронованный король всех общественных организаций. Родзянко же сам хочет играть первую скрипку, поэтому он везде и всюду интригует против нас. Но ...его попытки подкопаться под нас кончаются полным фиаско» [20, с. 433]. Депутат Думы октябрист кн. С.С. Волконский находил, что «Родзянко глуп. Куда его еще в министры совать? Но еще хуже, если попадет в премьеры кн. Львов. Это бездарный и дурной человек. А между тем “Биржевые Ведомости” изо дня в день муссируют его кандидатуру» [20, с. 447].

В такой атмосфере даже «англоману» – министру иностранных дел Сазонову казалось, что «члены Думы плюс съезды Земский и Городской объявят себя Учредительным собранием» [26, с. 261].

Тогда же на заседании Совета министров 2 сентября 1915 г. коллеги Сазонова реагировали на съезды союзов весьма резко. Н.Б. Щербатов заявил: «Земский и Городской союзы... являются колоссальной правительственной ошибкой. Нельзя было допускать подобные организации без устава и определения границ их деятельности. Из благотворительного начинания они превратились в огромные учреждения с самыми разнообразными функциями, во многих случаях чисто государственного характера, и заменяют собою правительственные учреждения. Все это делается захватным путем при покровительстве военных властей... В действительности же они являются сосредото-

чием помимо уклоняющихся от фронта оппозиционных элементов и разных господ с политическим прошлым. Закрыть эти учреждения в настоящее время невозможно прежде всего потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения. Следовательно, приходится терпеть их как факт...» Горемыкин хотел положить предел прениям. Но министры вновь и вновь высказывали сомнения в необходимости закрытия съезда. Горемыкин распалился: «Разогнать». Щербатов спросил: «А неприкосновенность?» Председатель Совета министров пошел на попятный: «Заявить о незаконности и пусть себе болтают». Смущало всех одно, и это выразил Кривошеин, бросив министру внутренних дел: «Механизм в ваших руках оппозиционен, а тут еще и внутренние и внешние события грозны» [26, с. 261–263].

В придворных кругах было сильное течение в пользу запрещения московских съездов. Александра Фёдоровна 2 сентября писала Николаю II, что эти съезды «вызовут только большие смуты» и поэтому их «необходимо решительно запретить» [14, с. 248]. Но министр внутренних дел несколько успокоил царицу, сказав ей, что если съезды «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию и таким образом никакой беды не выйдет» [14, с. 268].

Состоявшийся съезд ВЗС принял резолюцию о необходимости для победы взаимодействия общественных и правительственных сил, скорейшего возобновления занятий Государственной думы, которая «одна может дать незыблемую опору сильной власти». Съезд также решил признать желательным совместное с ВСГ представление депутации императору из шести человек, трех избранных съездом ВЗС (Львов, Маслов, Каменский) и трех – съездом ВСГ (Рябушинский, Астров, Челноков). Не все члены ВСГ признавали целесообразность этого решения, считая его бесполезным, а некоторые даже унижительным. «Лично я, – продолжал Астров, избранный съездом Союза городов в состав делегации, – был уверен, что делегация не будет принята царем, однако, мне казалось, что этот акт должен быть совершен для того, чтобы была внесена возможная ясность в положение, чтобы мы или укрепили свои надежды и с новой силой и напряжением вели свою работу во взаимодействии с властью, или... оставили бы несбыточные надежды и искали бы выхода сами, быть может, из положения, которое еще не было безвыходным»¹⁸.

Текст предполагавшегося обращения главы делегации кн. Львова и текст меморандума, который предполагалось оставить императору после аудиенции, были составлены при участии членов делегации и некоторых выдаю-

18. ГА РФ. Ф. 5913. Он. 1. Д. 16. Л. 28.

щихся юристов и государствоведов: В.А. Маклакова, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского. Основная мысль обращения была в том, что власть должна быть в руках лиц, сильных доверием страны. «Правительство поставило Россию над страшной бездной. В ваших руках ее спасти»¹⁹.

Львов просил министра внутренних дел Щербатова передать императору, что решением непосредственно обратиться к монарху съезды исполняли свой гражданский долг и веление совести; и что русский народ глубоко верит в действительное единение с царем и отказ его Величества принять представителей земств и городов России «может быть принят как разрыв царя с народом»²⁰.

Либеральные министры (Кривошеин, Самарин, Сазонов) в Ставке царя убеждали его пойти «навстречу общественным устремлениям». Монарх выслушал министров и глухим, недовольным голосом сказал, делая жест рукой, как бы разрубая что-то, «когда приеду в Царское Село, то там – решу» [17, с. 159]. И решил: Щербатов получил указание, что «вопрос о депутации считается ликвидированным»²¹.

Между тем смысл резолюции этих съездов – «правительство народного доверия» – было лозунгом, криком страны. Именно отказ царя выслушать представителей земств и городов России в связи с военными неудачами и развалом тыла, «может быть и был поворотным пунктом в настроениях широких общественных кругов». Не текст меморандума имел влияние в стране, но факт отказа царя выслушать представителей организаций, работавших на армию, произвел несомненно сильное впечатление. По-разному это впечатление сказывалось. Одни поникли духом и безнадежно опустили руки. Для них не оставалось больше надежды... Другие постарались поскорее отделаться от неловкого впечатления, произведенного отказом в приеме делегации, и с головой ушли в работу на мощь армии и на организацию тыла. Третьи, наконец, учли этот акт, как новое доказательство враждебности власти к обществу и стали искать новых методов действий, считая свои руки развязанными»²².

После летнего кризиса 1915 г. наступила как бы полоса затишья. Расстройство же страны усиливалось и захватывало новые области народной жизни. Этот развал и действия власти, упорно не желавшей считаться с мнением Государственной думы и общественных организаций, поощряли развитие в стране революционного процесса. Около власти создавалась угрожающая пустота. С этого времени начинается заметное раздвоение как

19. ГА РФ. Ф. 5913. Он. 1. Д. 16. Л. 28; РГВИА. Ф. 12564. Он. 1. Д. 8. Л. 209 об.

20. РГВИА. Ф. 12564. Он. 1. Л. 229 об.

21. Там же.

22. ГА РФ. Ф. 5913. Он. 1. Д. 16. Л. 29.

в настроениях общественных и политических организаций, так и в выборе их тактики.

Руководители Прогрессивного блока настаивали на сохранении связи с властью, на необходимости сбережения Думы. Миллюков неуклонно удерживал тактику блока в пределах парламентской борьбы и всеми мерами противился стремлению левых вступить на путь революционных действий. В случае крушения власти он предрекал «бунт бессмысленный и беспощадный». Общее настроение того времени московских кругов было резко оппозиционным, но далеко не революционным. Они не выдвигали ни радикальных требований, ни революционной тактики. В это время росло антидинастическое настроение во всех слоях населения, не исключая и низших. ореол царского имени поплек, потускнел и исчезал. Разочарование сменилось недоумением, недоумение убийственным равнодушием. От верховной власти уже ничего не ожидали, никаких надежд с ней не связывалось. Деятели ВСГ и их коллеги из других союзов в старые формулы об «объединении усилий», о «согласованных действиях» стали вкладывать уже более конкретное содержание. В начале 1916 г. ответственными лицами общественных организаций заявляется (в «Известиях Союза городов»), что режим не может вызвать усилий и жертв, необходимых для победы, нужно коренное изменение правительственного строя. Бесперывная смена министров в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики вели к полному параличу власти. Между властью и обществом выросла «стена взаимного отчуждения и непонимания»²³. Представители ВЗС считали, что мероприятия правительства ведут к острой классовой борьбе. И тем актуальнее становилась «организация страны». Понимали ее по-разному.

Объединение сил и организация страны – это была одна тактика, имевшая целью удержать возможное влияние в поднимавшемся стихийном процессе, предупредить его, если возможно, не дать ему разлиться в анархию. Другая тактика вела к дворцовому перевороту. «Сознание неизбежности дворцового переворота было, кажется, всеобщим», – вспоминал Астров. Его ожидали, о нем нескромно говорили повсюду, но его не дождались. Сторонники первой тактики стремились договориться с организациями рабочих, сблизить буржуазно-либеральные круги с демократическими элементами. И те и другие видели в организации страны «средство, противоборствующее надвигающейся революции»²⁴.

ВСГ и ВЗС координировали не только свою практическую деятельность и вели общую работу в Земгоре, в Главном комитете которого были в основ-

23. ОР РГБ. Ф. 171. К. 9. Д. 1. Л. 18 об.

24. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

ном кадеты (М.В. Челноков, Н.В. Некрасов, Н.А. Артемьев, А.Г. Хрущов, М.И. Терещенко, А.И. Астров, Д.М. Щепкин и др.), в Собеже, но и согласовывали друг с другом время проведения своих съездов и совещаний, выступления в Особых совещаниях, в которых от ВСГ были представлены, в основном, кадеты и прогрессисты: М.В. Челноков, М.М. Федоров, Н.В. Некрасов, П.А. Бурышкин, А.Г. Хрущов, Н.И. Астров, А.И. Астров, Д.В. Сироткин, П.П. Юренев, П.А. Садырин, А.А. Титов, А.П. Фролов, Ф.А. Лузин, В.К. Громан и др.

По своему характеру оппозиционные выступления Земского союза были более умеренными, чем Городского. Он позже, чем ВСГ, принял идею «об ответственном министерстве» (до того был приверженцем идеи «министерства доверия»), на сентябрьском съезде 1915 г. принял решение о депутации к царю, в то время как ГК ВСГ в большинстве своем (23 против 4) высказывался против этого, хотя в конце концов согласился с ВЗС.

Политизация общества всё более отражалась на деятельности ВЗС, ВСГ и других общественных организаций. Они были как бы сколком с российского общества. В их структурах был представлен широкий спектр политических партий и течений. В различных организациях Земгора, ВСГ и ВЗС работали и октябристы, и прогрессисты, и к.-д., и эсеры, и социал-демократы, в том числе и будущий нарком продовольствия А.Д. Цюрупа, сестра В.И. Ленина М.И. Ульянова, и – вплоть до большевиков такого склада, как М.В. Фрунзе, которые использовали учреждения союзов и для партийной работы на фронте. Секретарем ГК ВСГ был энес В. Волк-Карачевский, социал-демократ А. Сысин возглавлял один из отделов ГК ВСГ и т.д.

«Третий элемент»: врачи, статистики, бухгалтеры, инженеры, юристы и т.д. трудились и в Земском союзе. ВЗС приглашал на свои съезды и включал в свои органы того, кого он считал нужным, даже если эти люди не были земцами. С.А. Котляревский писал, что в состав этого союза вошли «многочисленные и ценные силы, не принадлежащие в строгом смысле слова к земской среде, и все-таки они прежде всего связаны с этой средой, они выражают земскую Россию, как выражают ее и земские собрания». В этом, казалось Котляревскому, «заключается известный смысл совместного существования двух союзов: Земского и Городского». Перед ними стоят одинаковые задачи, и во многих отраслях своей деятельности они должны работать согласованно; но они опираются на несколько различные общественные слои, отражают различную психологию и, направляясь к одной цели, не всегда могут избирать одинаковые пути. Нельзя признать такую двойственность чем-то ненормальным; наоборот, она «позволяет более широко использовать общественные силы страны» [10, с. 40].

Но социальная «неоднородность» состава совещаний и съездов ВСГ все же сказывалась на характере его оппозиционных выступлений. Этому

способствовало и то, что левые кадеты в ВСГ (и прежде всего Н.И. Астров и Н.М. Кишкин) считали необходимым участие в совещаниях нецензурных элементов, – вплоть до представителей рабочих, кооператоров и т.д. Это была попытка сблизить буржуазно-либеральные круги с демократическими элементами, «иначе все обратится в развалины». Однако идеологического сотрудничества не наступило.

В заседании кадетского ЦК в феврале 1916 г. Д.И. Шаховской констатировал, что работа союзов теперь уже переросла их наличные силы, потому что у них нет власти (отчего к ним многие не идут), а среда земская цензурная неудовлетворительна. Продовольствие без путей сообщения неосуществимо, но и тут аналогичное положение. Нужна полнота власти [22, с. 204].

ВЗС и ВСГ вынуждены были реагировать на то, что «старая власть лишь поневоле и по необходимости терпела союзы, видя и сознавая, что без их помощи она обойтись не может; вместе с тем она не упускала случая делать попытки дискредитировать и подрывать деятельность союзов. Периодически против них предпринимались походы. То органы власти, то отдельные савонные фигуры, то организации “черной сотни” производили свои выступления и набеги. Союзам предъявлялись обвинения, что дела они ведут беспорядочно, не могут дать отчетов в израсходованных казенных деньгах, что они – особенно Союз городов – представляют гнездо и оплот революции, что все существование союзов подрывает авторитет власти. Союзам задерживали отпуск денег, всячески тормозили их начинания, не разрешали и разгоняли созываемые ими съезды и совещания – словом, союзы, были опасным для государственного порядка явлением, явлением политической жизни страны, не совместимым с самодержавным строем» [3, с. 1].

Отсюда стратегия и тактика общественных организаций. Организация страны в целях достижения победы и ответственное министерство – лозунги 1916 г. В этой двучленной формуле одно острое – «ответственное правительство» было направлено против «безответственной власти», а другое – против анархии и революции. Это была новая ступень, на которую взойшло русское общество, гонимое всеобщим расстройством и дезорганизацией государственной жизни.

В это время и продовольственный вопрос стал политической проблемой, которая в любой момент могла взорвать ситуацию в стране. Отдавая себе отчет в этом, руководители ВЗС, ВСГ, ВПК всемерно старались предотвратить катастрофу. С этой целью они пытались устраивать совместные совещания и съезды своих организаций. Говоря о себе, об общественных деятелях, либералах, Астров постфактум заявлял: «Мы видели и понимали, как задолго до революции слагались грозные недоразумения между властью и народом, между правящим классом и Россией, и что мы предвидели роковые последствия этих роковых недоразумений и вся наша политическая деятельность

имела целью предупредить и предотвратить катастрофу. Мы были между властью и группами, готовившими революцию, и мы участвовали в создании противоборствующих революционных сил»²⁵. Но это предполагало и оппозицию власти уже потому, что «анархия начиналась в стране сверху»²⁶.

9 декабря 1916 г. правительство не допустило съезда земских деятелей. Запрещены были съезд городов и совещание по продовольственному вопросу. Земцы отправились в ГК ВЗС, где и провели свое заседание, на котором присутствовали представители 22 губерний, двух областей и всех фронтовых комитетов ВЗС. С решающим голосом оказалось 59 человек, считавших, что правительство «ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон». Земцы отдавали себе отчет в том, что «решаются судьбы России на многие поколения». Спасение войны они видели в действительном патриотизме и в живом чувстве ответственности перед Родиной. Когда власть становится преградой на пути победы, ответственность за судьбы Родины должна принять на себя вся страна, начиная с ее законных представителей. Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, «ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон». Суть рекомендации заключалась в требовании: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа в одну из величайших минут его истории, сильное ответственностью перед народом и народным представительством».

Земцы хорошо чувствовали драматизм своего времени, его судьбоносность. Примечательно, как изменился к тому времени сам облик Львова. Некогда тихий и застенчивый, не любивший чрезмерного внимания к собственной персоне и избегавший появляться на трибуне, князь превратился теперь в весьма нервную и даже экзальтированную личность. Очевидцы рассказывали, что когда полицейские ворвались в зал, где собрание земцев принимало резолюцию, и предложили покинуть помещение, то Львов взобрался на стул и крикнул на весь зал: «Верьте, мы победим!» Спустя некоторое время он заявил в частной беседе: «Теперь уже не время говорить о том, на кого возложить ответственность за судьбу России. Надо принимать ее на себя. Народ должен взять свое будущее в собственные руки» [23, с. 174–175].

Но такая его метаморфоза претила самому существу Львова, склонного к практической земской работе и всегда противившемуся своему выдвижению на политическую авансцену. Львов давно опасался, что «вместо примирения», он внесет обострение в отношения власти и общества: «Из мирного знамени я превращен в боевой сигнал... и я послужу разрушению той идеи, которой в сущности служил всю жизнь... Я глубоко убежден, что на этом пути я внесу в жизнь зло и вред против моей воли» [33, с. 546].

25. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–3.

26. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

Об этой вынужденной радикализации либералов свидетельствует и письмо старого земца Н.Н. Львова к Великому князю Николаю Михайловичу: «Внутренний кризис наш все более и более обостряется; это есть кризис власти, которую все ищут и которая не умеет быть тем, чем она должна быть. В этот великий исторический момент, который должен положить конец петербургскому периоду русской истории и начать новый национальный расцвет России, власть не умеет отказаться от пустяков, ничтожных причуд и прихотей прошлого. Эти суетные мелочи губительны для будущности России, для самой власти и тем не менее выхода нет. В этом весь ужас нашего положения; с одной стороны, огромная задача ведения мировой войны и еще более трудная задача заключения мира, а с другой – беспомощный капрал, расстроенное и больное воображение... Мы же, которые вынуждены оставаться и вести борьбу, с ужасом чувствуем, что нас против нас самих толкают на такой путь, который противен нашим глубочайшим убеждениям»²⁷.

Вечером 9 декабря Г.Е. Львов собрал у себя на квартире М.В. Челнокова, одного из руководителей ВСГ и ВПК М.М. Фёдорова, заместителя главного уполномоченного ВСГ Н.М. Кишкина, Н.И. Астрова, представителя Кавказского комитета ВСГ А.И. Хатисова. Обсуждали положение дел. Совещание длилось почти всю ночь. Хатисов вспоминал: «Львов сообщил, что на фронте – ужас... Многие части требуют удаления царя... При дворе – недовольство... Требуют удаления Распутина... В Думе требуют удаления министров. Все чувствуют необходимость смены правления, – корня всех дел. “Ответственное правительство” – вот спасение. К утру и за день все члены съезда дали свое согласие на назначение Львова председателем Совета министров, если будет создано ответственное министерство. Хотели организовать дворцовый переворот». Хатисову было поручено узнать лично отношение Великого князя Николая Николаевича к этому перевороту, и «согласен ли он принять корону царя, если совершится переворот». Великий князь «воздержался от дачи согласия действовать активно»²⁸.

Ход событий, всероссийское расстройство, предощущение грозящей катастрофы заставляли мучительно отыскивать выходы из все усиливавшегося хаоса. После разгона полицией съездов ВЗС и ВСГ лозунг создания ответственного думского министерства «стал общим лозунгом либеральной оппозиции». В то время «правительство и общество представляли собой два враждебных лагеря». Это было отражением общего сдвига страны к революции. Н.И. Астров утверждал, что «трагедия Союза городов и близких к нему по общественному составу организаций была в том, что они оказались вынуж-

27. ГА РФ. Ф. 670. Он. 1. Д. 335. Л. 1–2.

28. ГА РФ. Ф. 5881. Он. 1. Д. 524. Л. 24 об.

денными одновременно помогать власти и бороться с нею, и то и другое ради достижения главной и покрывающей все цели, ради доведения войны до благополучного конца. В условиях того времени можно ли было безоговорочно и молчаливо идти за властью, изживавшей и изжившей себя? Можно ли было тогда перейти на путь прямого действия и совершить “перепряжку во время переправы”, “сменить шофера”... на крутом спуске? В тех условиях, которые мы переживали тогда, ни того, ни другого осуществить было нельзя. В этом и была трагедия русской общественности и среди нее трагедия Всероссийского союза городов»²⁹.

Конфронтация общества и власти разрешилась Февралем 1917 г. Революция круто повернула деятельность Союзов. Новому государственному строю Земский союз отдал своего руководителя – Львова, ставшего премьер-министром Временного правительства, и своих виднейших работников. Лидеры ВЗС пришли во власть не только в центре, но и на местах, – председатели губернских земских управ были назначены губернскими комиссарами. 7 июня 1917 г. Временное правительство специальным постановлением утвердило Положение о ВЗС, которое было одобрено съездом ВЗС в марте 1916 г.

Февраль, решив судьбу монархии, стал важной вехой в судьбе русского либерализма и изменил деятельность союзов. «Новому государственному строю, революции союзы отдали себя целиком и без остатка... Целые отделы и комиссии полностью влились в органы новой государственной власти». Общественные организации стали важной опорной базой Временного правительства и в государственном регулировании экономики. ВПК, Земский и Городской союзы не только освобождались от прежней казенной опеки, но и наделялись широкими полномочиями государственного характера.

На 16 сентября 1917 г., «общее число всех работающих в отделах, учреждениях и предприятиях ВЗС, ВСГ, Земгора – 326 027 человек». В ВЗС – 232 700 человек с прикомандированными и 175 тыс. – «основных кадровых работников», из которых женщин около 45 тыс. (более 25%). Из 175 тыс. – 8041 – военнообязанных (менее 5%). Численность Земгора без прикомандированных составляла 11 827 человек³⁰.

После Февральской революции с ее демократизацией, обусловившей «паритетный» принцип (т.е. в сущности партийный) распределения мест в ГК между социалистами и ценовиками на 6-м съезде ВСГ в апреле 1917 г., когда руководителем ВСГ был избран Н.И. Астров, (ставший в апреле и городским головой Москвы), ГК сохранил свое кадетское «ядро». На последний съезд Союза (14–17 октября 1917 г.) из приехавших на него членов ГК (49) кадетов была – половина. В массе съехавшихся 271 делегатов, либералы

29. ГА РФ. Ф. 5913. Он. 1. Д. 16. Л. 32.

30. РГВИА. Ф. 12593. Он. 1. Д. 438. Л. 14–15.

терялись. Среди собравшихся мало было не только тех, кто участвовал в прежних съездах ВСГ, но даже и таких, которые работали раньше в местных комитетах ВСГ. Преимущественно это были только что избранные гласные в демократические думы. Партийный состав съезда был следующий: социал-демократов – 92, эсеров – 68, кадетов – 55, энесов – 24, беспартийных – 32. Города послали 195 представителей, ГК – 49, фронтовые комитеты – 16, ревизионная комиссия – 4, оргкомитет по созыву съезда – 7. На съезде присутствовали 60 человек с совещательным голосом, в том числе 20 делегатов от служащих и рабочих ГК ВСГ. На этом съезде кадеты («муниципально-демократическая партия») при выборе в ГК уступили революционным партиям: из 80 членов ГК их было только 23 человека. Последним руководителем ВСГ был эсер В.В. Руднев³¹.

После переворота в феврале 1917 г. в большинстве городских дум явочным порядком было введено представительство вновь образовавшихся революционных организаций. Возникшие повсюду комитеты рабочих и низших служащих вносили полное расстройство в жизнь городских учреждений. Новое Городовое положение, в выработке которого участвовали и деятели ВСГ, было утверждено 9 июня 1917 г. Новый закон отразил влияние того времени и условий, что особенно сказалось на правилах о производстве выборов гласных городских дум.

К октябрю 1917 г. новые городские думы на основе всеобщего избирательного права были образованы в 643 городах (179 городов бывшей империи были потеряны в ходе войны). Эти выборы коренным образом изменили прежние составы дум. По 50 губерниям социалистов было избрано 65,7%, представителей других партий – 34,3%. В президиумы дум почти повсеместно вошли представители социалистического большинства. Партийные страсти с предвыборных собраний были перенесены в думы. Призывы к углублению революции и укреплению ее завоеваний целиком владели мыслями новых гласных. Над думами «носились настроения классовой борьбы, а призывы удержать городские самоуправления на высоте согласования удовлетворения и примирения интересов всех слоев населения городов успеха не имели».

Пришел октябрь 1917 г. Вскоре городские думы повсеместно были разогнаны. Закон о демократическом устройстве городских самоуправлений был аннулирован вместе со всем законодательством Временного правительства. ВСГ не мог существовать в условиях нового режима. Только терпимый царским правительством, он был уничтожен новой властью.

31. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 429. Л. 5–10 об.

Та же судьба ждала и ВЗС. Весной и летом 1917 г. Земскому союзу работать становилось все труднее из-за прогрессирующего развала экономики, массового дезертирства на фронте, развития революционного процесса и ослабления власти Временного правительства. В 1917 г. ВЗС так и не смог собрать ни одного своего съезда. ГК объяснял это положением, в котором находилось Российское государство после революции. Во многих губерниях и особенно уездных земствах шел процесс демократизации, одни изменили свой состав, другие по-прежнему были цензовыми. При таком разном ГК не решился собирать съезд. Кроме того, перед ними был пример ВСГ, которого захлестнула волна «демократизации», наполнившая на апрельском 1917 г. съезде ГК ВСГ социалистами, сильно потеснившими «цензовиков».

ГК ВЗС пытался удержаться в волнах демократизации, которые накатывались и на него.

Для рассмотрения конфликтов между служащими и заведующими отделами была учреждена примирительная камера. Натиск «демократии» на ГК усиливался. В июне 1917 г. начались забастовки рабочих и служащих, выдвигавших требования повышения зарплаты и срочной демократизации ВЗС, введения в его состав представителей революционно-демократических организаций³².

Рабочие и служащие Земского союза заявили, что ГК является «оплотом антидемократических течений, объявивших поход на рабочих, выразившийся в саботаже промышленных предприятий Союза». 30 августа 1917 г., обсудив вопрос о выступлении генерала Корнилова, и выставив требование энергичной борьбы со всеми контрреволюционными организациями, к которым причислили и ГК ВЗС («очаг оппозиции демократическим начинаниям»), делегаты потребовали немедленного вооружения всех рабочих.

Рабочие направили Временному правительству требования о демократизации ГК. Но ГК не уступал, подчеркивая, что правом кооптации не наделен, этим правом обладает только съезд уполномоченных губернских земств.

После Октября 1917 г. борьба приняла драматические формы: с вооруженными вторжениями в ГК, захватом его кассы и учреждений, с арестами его приверженцев³³.

На фронте деятели ВЗС, не признавшие власть нового «народного правительства», подлежали «немедленному аресту»; весь состав служащих ВЗС при 2-й армии объявлялся изменниками Родины и революции и подлежал задержанию и отправке в ближайший совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Местные организации или разгонялись новой властью, или

32. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 1348. Л. 1–38.

33. Там же. – Л. 12–14.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

едва существовали. В июле 1918 г. Союзы земств и городов были ликвидированы декретом СНК.

Литература

1. Абрамов В.Ф. Объединение российских земств // Земский феномен: Политологический подход. – Саппоро, 2001. – С. 100–143.
2. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. – Париж, 1959. – 260 с.
3. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации Союза. – М., 1917. – С. 7.
4. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М., 1983. – 256 с.
5. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – Жуковский; Москва, 2001. – 438 с.
6. Думова Н.Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции (1914–1917). – М., 1988. – 246 с.
7. Загряцков М.Д. Всероссийский Земский союз: Общие принципы организации и юридическая природа. – Пг., 1915. – 29 с.
8. Земгор: Полтора года работы Главного по снабжению армии комитета Всероссийского Земского и Городского союзов, июль 1915 – февраль 1917 г. – М., 1917. – 23 с.
9. Известия ВСГ. – М., 1915.
10. Котляревский С.А. Всероссийский Земский союз // Русская мысль. – М.; Пг., 1916. – Кн. 3. – С. 39–43.
11. Милоков П.Н. Воспоминания. – М., 1990. – Т. 2 (1859–1917). – 446 с.
12. Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. – Париж, 1988. – 754 с.
13. Очерк деятельности Петроградской областной организации Всероссийского Союза городов за первый год войны. – Пг., 1916. – 341 с.
14. Переписка Николая и Александры. – М., 2013. – 948 с.
15. Петров Ю.А. Династия Рябушинских. – М., 1997. – 198 с.
16. Писарькова Д.Ф. Московская городская дума, 1863–1917. – М., 1998. – 467 с.
17. Поливанов А.А.. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопр. истории. – М., 1994. – № 3. – С. 153–165.
18. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. – М., 1920. – 240 с.
19. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. – М., 2001. – 460 с.
20. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. – М., 2014. – 718 с.
21. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1912–1914 гг. – М., 1997. – 587 с.
22. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. – М., 1997. – 590 с.
23. Пушкарева И.М. Князь Георгий Евгеньевич Львов // Исторические силуэты. – М., 1991. – С. 153–194.
24. Рабинович А. Кровавые дни: Июньское восстание 1917 года в Петрограде. – М., 1992. – 271 с.
25. Сенявская Е.С. Войны XX века как фактор историко-психологического развития российской цивилизации // Россия и мировая цивилизация. – М., 2000. – С. 365–376.

26. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). – СПб., 1999. – 559 с.
27. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 гг. – СПб., 1997. – 729 с.
28. Трубецкой С.Е. Минувшее. – М., 1991. – 248 с.
29. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). – М., 2014. – 327 с.
30. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). – М., 2003. – 152 с.
31. Шевырин В.М. Земгор // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 326–330.
32. Шевырин В.М. Земский союз // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 331–337.
33. Шевырин В.М. Львов Георгий Евгеньевич // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 545–547.
34. Шевырин В.М. Союз городов // Российский либерализм XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2010. – С. 876–882.
35. Шелохаев В.В. Основной фактор крушения Российской и советской империй // Тысячелетняя история России: Проблемы, противоречия и перспективы развития. – М., 2004. – С. 371–376.
36. Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 г. – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. – СПб., 1996. – № 7. – С. 245–348.
37. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров, 5 июля – 2 сент. 1915 г. // Архив русской революции. – Берлин, 1926. – Т. 18. – С. 133–135.
38. Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. – Seattle; L., 1981. – 652 p.